М. Д. Чертыкова

ОБРАЗ ТРУДОЛЮБИВОГО / ЛЕНИВОГО ЧЕЛОВЕКА В ХАКАССКОЙ ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА¹

Статья посвящена лингвокультурологическому рассмотрению хакасских пословиц и поговорок с целью выявления и описания образа трудолюбивого / ленивого человека в хакасской пословичной картине мира. Материалом для анализа послужили около ста единиц паремий с соответствующей семантикой, собранные автором, в основном, из сборника «Хыйга сөс. Мудрое слово» (2014), также для сравнения привлекаются паремии других народов. Выявлено, что трудолюбивый человек в хакасском языковом сознании — это надёжный, добросовестный, усердный, основательный работник. Он, благодаря своему трудолюбию, обеспечивает питанием себя и свою семью. В паремиях, описывающих труд как источник богатства, обычно присутствует репрезентант *чаг* «сало». Образ ленивого человека отмечен такими мотивационными признаками, как бестолковость, склонность ко сну, малоподвижный образ жизни, пустая и бесцельная трата времени, проживание и питание за чужой счёт. Однако лентяй в народном сознании не воспринимается совсем как безнадёжный и пропащий человек, о чём свидетельствуют пословицы, предупреждающие о негативных последствиях лени, и имеющие воспитательный характер. При этом отношение хакасов к проявлению лени суровое и бескомпромиссное; нами не зафиксировано ни одной паремии, оправдывающей данный человеческий порок. Отдельный пласт составляют паремии, раскрывающие контрастные оценочные характеристики двух типов людей — трудолюбивого и ленивого, что позволяет слушающим чётко и ясно воспринимать имплицитные поучительные коды народной мудрости. Считаем, что сложная, полиаспектная система образа трудолюбивого / ленивого человека в хакасском языке обладает хорошим когнитивным и лингвокультурологическим потенциалом и имеет перспективу для будущих исследований.

Ключевые слова: образ трудолюбивого / ленивого человека, пословицы и поговорки, народная мудрость, концепт, содержание, хакасский язык.

Введение

В последние десятилетия всё больше внимания уделяется лингвокультурологическому описанию объектов фольклорного наследия, в том числе памятников паремического творчества, в разноструктурных языках. В тюркологии создана определённая база для изучения пословиц и поговорок в сравнительном освещении, что позволяет выявить национальную специфику мировоззрения и менталитета отдельных этносов через пословичный фрагмент языковой картины мира (Ахметшина, 2000; Латыпова, 2003; Созинова, 2010 и др.). В сибирских тюркских языках данная тематика пока ещё ждёт своих исследователей. На сегодняшний день имеется крупная работа Н. Р. Ойноткиновой, посвящённая системному исследованию алтайских пословиц и поговорок в сравнении с паремическим фондом других тюркских народов Сибири, и выявлению особенностей их лингвистических и прагматических структур (Ойноткинова, 2012). В хакасском языке данной тематики касались отдельные статьи, где содержатся обзорные сведения об истории изучения пословиц и поговорок (Ачитаева, 1999) и анализ структурно-семантических особенностей предложений на материале пословиц, поговорок и фразеологических сочетаний (Чугунекова, 2015). Пословицы и поговорки, как и другие фольклорные жанры, представляют собой бесценный по своей значимости богатый материал не только для лингвистических, но и для этнолингвистических, лингвокультуроло-

¹ Исследование проведено в рамках гранта РФФИ № 19-012-00080. Тема «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)».

гических и лингвофольклористических исследований. Обычно в обиходной речи понятия «пословицы» и «поговорки» в некоторой степени отождествляются; даже в научной литературе эти два термина иногда рассматриваются воедино. Однако исследователи чётко разграничивают эти два понятия: «Если пословицы содержат в первую очередь обобщение, конденсируют мудрость народа, то поговорки больше пригодны для выражения чувства или просто для оживления речи, им присущ лишь конкретный и частный смысл, хотя они и соотносятся с типичными ситуациями. Пословицы обычно бытуют в виде устойчивых, завершённых фраз, а поговорки допускают варьирование своего состава и не всегда выражают законченное суждение. Поговорка — это “мост”, переход от фразеологизмов к пословицам» (Верещагин, Костомаров 1983: 88–89). В настоящее время в исследовании пословичной картины мира наиболее актуальными являются вопросы их концептуальной репрезентации, национально-культурной специфики, коммуникативных стратегий, презуппозиции и т. д. Одним из наиболее крупных понятийных слоёв в пословичной картине мира является образ трудолюбивого / ленивого человека. В системе общественных ценностей любого этноса отношение к труду является базовым, поэтому в поговорках всегда приветствуется активно и честно создающий человек, но вместе с тем однозначно порицается ленивый человек. Соответственно, концептуальное пространство «труд / лень», как совокупность множества взаимосвязанных лингвокультурологических сущностей, представляющих собой определённую целостность в концептосфере языка, является универсальным и обширным феноменом. К тому же его многослойность проявляется в родственных лексических фреймах, например, лень ассоциируется с вялостью, сонливостью, медлительностью, а трудолюбие с упорством, силой, богатством и т. д. Тем самым можно наблюдать, как границы данного концепта отодвигаются к другим семантическим полям по принципу мотивационных отношений.

Цель нашей статьи — в ходе лингвокультурологического анализа хакасских поговорок о труде / лени выявить образ трудолюбивого / ленивого человека, отражённый в пословичной картине мира; определить традиционно-культурные, стереотипные и ментальные установки этноса в отношении к нему и раскрыть системно-аксиологические ценности, базирующиеся на народной мудрости. При этом, интерпретируя и комментируя семантику рассматриваемых пословиц и поговорок, мы в некоторых случаях используем метод сравнения с аналогичными поговорками других этносов для выявления универсальных и национально-специфических особенностей, что способствует процессу рационализации межкультурных коммуникаций. В качестве материала для исследования используются хакасские пословицы и поговорки (в количестве около ста единиц), собранные автором из различных источников, в основном, из сборника «Хыйга сös. Мудрое слово» (2014).

О лексемах *трудолюбивый* и *ленивый* в толковых словарях обычно даётся скудная информация, например, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой данные слова толкуются таким образом: Трудолюбивый «любящий трудиться» (Ожегов, Шведова, 2006: 814) и Ленивый «1. любящий безделье, не желающий трудиться; 2. Исполненный лени, выражающий лень, вялый, медлительный» (Ожегов, Шведова, 2006: 323). Представленные здесь толкования лексем *трудолюбивый* и *ленивый* характерны и для их хакасских лексических аналогов *сымдах* / *күлүк* и *аргаас*. Однако на самом деле семантические комплексы данных лексем наиболее шире, которые раскрываются в ходе лексикографического, семантического, лингвокультурологического анализа.

Трудолюбие и лень — важнейшие качества человеческого устройства и относятся к полярным (противоположным) аксиологическим ценностям. И мы солидарны с Л. К. Байрамовой (Байрамова, 2008) и Цю Сюеин (Цю Сюеин, 2019), которые к человеческим ценностям относят такие понятия, как жизнь, здоровье, родина, счастье труд, богатство, ум, правда, смех, рай. К антиценностям в этой трактовке относятся смерть, болезнь, чужбина, несчастье, безработица, лень, бедность, глупость, ложь, плач, ад. При этом названные ценности / антиценности у разных народов могут варьироваться. Одной из наибо-

лее жизнеутверждающих, извечных и универсальных ценностей можно считать отношение общества к труду, получившее отражение в языке. Соответственно, тематика отношения к непосредственно к труду в пословицах и поговорках обычно расширяется за счёт отношения к трудолюбивому / ленивому человеку.

В хакасском языке базовыми лексемами, характеризующими трудолюбивого и ленивого человека являются *сымдах* «трудолюбивый, работающий, прилежный, старательный, выносливый» и *аргаас* «лень, лодырь, лентяй; ленивый». Обозначения этих полярных характеристик отражены в пословице: *Сымдах кизінің палалары астабинча, аргаас кизінің палалары астап одырча* (Хс, 2014: 29) — Голодают дети **ленивого**, и нужды не знают у **радивого**. В Словаре синонимов хакасского языка представлены синонимические ряды, отражающие рассматриваемые нами понятийные слои:

СЫМДАХ «трудолюбивый, работающий, прилежный, старательный, выносливый». *Сымдах азах тох поладыр* (погов.); **күлүк** «трудолюбивый, работающий, ловкий, проворный». *Аргаасха күн узун, күлүкке күн чиппинче* (погов.); **чигіг** «трудолюбивый, энергичный, деловой, активный, бойкий, резвый, проворный». *Прайзы аның хыйгазына паза чигігіне чапсаан* (Чх, 14); **хайынчах** «хлопотливый, работающий». *Хайынчах килін; тартынчах* «хозяйственный, трудолюбивый, старательный, расчётливый». *Көрдек, Наташаның ирі хайдаг тартынчахтыр! Пір дее тыс одырбинча*, — *Николайзар икін, сыбыраан Надя* (Т); **тогысчыл** «работающий». *Тогысчыл чонны улугла; ілгезік «трудолюбивый»; **іссірек** «трудолюбивый», **істенчік** «трудолюбивый»; **чылхалыг** «работающий». *Чылхалыг ползаң, чирні дее үтерзің* (погов.); **тогысха күс** «трудолюбивый (букв.: силен в работе)» (Словарь..., 2014: 116–117).*

АРГААС «лень, лодырь, лентяй; ленивый». *Арыг иттең үс сыхпаан, аргааснаң тогыс пүтпеең* (посл.); **чызыг** II «перен. неповоротливый, медлительный, ленивый, лентяй». *Чызыг кизілерге амды сидік; чалты* «лень; лентяй, лодырь; разгильдяй; ленивый». *Андаг чалты поларга чарабас; ынанмас* «ленивый; лентяй, лодырь». *Ынанмас ирдің сидені талалых ла поладыр; эрінчек / ирінчек* «ленивый; лодырь, лентяй». *Ирінчек кизе күннің поэрах. Эрінчекке кизілер дее хынминчалар; хыймыранмас* «перен. неповоротливый, нерасторопный, ленивый». *Саңай даа хыймыранмас ипчи ползын, чоох-чаах ла сугыстыр чөрбезін*, — *күңүреен ол* (Т, 97); **көзейген / көзерген** «лентяй; ленивый, неповоротливый». *Көзейгеннің ибі көс парир; көзө* «ирон. ленивый, непробиваемый, твердолобый». — *Анда синің ноо киреен? — атыла түскен оол, — саңай даа көзө полза чи* (Пт, 30); **көзөн** «ленивый». *Ой, палам, палам, көзөнім — сагыссырапча ічезі, — көр, аңдарыл пардың* (П-о, 104); **күскінчек** «ленивый, инертный». *Ала саасхан аалдаң сых полбинча, Күскінчек ибін арыглап полбинча* (погов.) (Словарь..., 2014: 29–30). Однако лексемы, составляющие данные синонимические ряды, кроме базовых *сымдах* «трудолюбивый, работающий, прилежный, старательный, выносливый»; **күлүк** «трудолюбивый, работающий, ловкий, проворный»; *аргаас* «лень, лодырь, лентяй; ленивый», редко используются в пословицах и поговорках о трудолюбии / лени, поскольку в народном паремическом творчестве характеризующие и оценивающие смыслы обычно передаются в образном и коннотативном оформлении.

Пословичные представления о трудолюбивом / ленивом человеке относятся к наиболее устойчивой и традиционной части мировидения любого этноса и подтверждаются в двух базовых когнитивных моделях: образ трудолюбивого человека и образ ленивого человека, транслирующих их языковые и культурные семантики.

1. Контрастивная интерпретация характеристики трудолюбивого / ленивого человека

В основе концептуальных понятий «трудолюбие» и «лень» в рассматриваемом паремическом фонде лежат полярные противопоставления образов трудолюбивого и ленивого человека. И потому в паремическом творчестве трудолюбивый человек и ленивый человек часто описываются под одним углом зрения в сходных аспектах, но получают контрастные харак-

теристики. *Аргаас ардатча, кўлук азырапча* (Хс, 2014: 31) — Ленивый — портит, работающий — кормит. Данная пословица по структуре и содержанию очень схожа с русской: *Труд кормит, а лень портит*. «Противопоставление по одному и тому же признаку свидетельствует о включенности данного признака в выработанную традиционным сознанием систему ценностей» (Ерёмина, 2014: 169). Кроме того, такие пословицы транслируют чёткие границы между этими двумя полярными понятиями.

В паремическом творчестве о трудолюбии / лени отдельную категорию составляют паремии, раскрывающие контрастивные оценочные характеристики двух типов людей — трудолюбивого и ленивого. На наш взгляд, такой способ подачи паремической мысли способствует наиболее эффективному его восприятию. Поскольку пословицы и поговорки в своём содержании имплицитно поучительную и предупреждающую установку, то слушающий однозначно избирает для себя положительную концепцию информации, тем самым примеряет для себя роль трудолюбивого человека, а «судьбу» ленивого человека сознательно / или подсознательно отторгает. Специальное исследование паремий с позиции их контрастивного содержания при насыщенности фактического материала позволит выделить различные семантические типы характерных образов и ситуаций. М. А. Ерёмина в своём исследовании лексико-семантического поля «Отношение человека к труду» проводит семантический и мотивационный анализ концептов лени и трудолюбия в русском языке и предлагает рассматривать симметричные отношения между этими полями в таких категориях, как: а) состояние; б) свойства. «В первом случае отношение между противоположными понятиями строятся по модели «желание работать — нежелание работать»; во втором — понятия трудолюбия и лени противопоставляются по следующим параметрам выполнения работы: желание работать (охотно — неохотно), чувство ответственности за результат (добросовестно — безответственно), затрата времени, уровень квалификации (умело — неумело), затрата сил (из всех сил — не в полную силу), объём работы (много — мало), общая оценка (хорошо — плохо)» (Ерёмина, 2014: 37). Считаем, что подобное структурирование концептуального пространства «трудолюбие / лень» позволяет чётко и ясно представить дифференциальные установки данных понятий в сфере паремического творчества.

Восприятие времени для трудолюбивого / ленивого человека различается: *Аргаасха кўн узун, кўлукке кўн читпинче* (Хс, 2014: 8) — Ленивому день кажется длинным, а трудолюбивому — дня мало. Далее мысль можно развивать таким образом: день трудолюбивого человека заполнен делами, и потому время для него течёт быстро. Дни же лентяя проходят однообразно. Он ведёт малоподвижный образ жизни, поэтому для него время тянется медленно. Здесь мы встречаем эквивалентные хакасской паремии в других тюркских языках: алт.: *Јалкуга кўн узун, / Кўлукке тўн узак* — Для ленивого день длинный, / Для работающего ночь длинная; чалк. *Ишмекчи кижее кўн тьетпийт, / Уйкучы кижее тўн тьетпийт* — Трудящемуся человеку дня не хватает, / Сонливому человеку ночи не хватает (Ойноткинова, 2012: 231); шор.: *Аргасқа кўн узун, Кўлукке кўн четпенча* — Ленивому день кажется длинным, проворному (работающему) — дня не хватает (Духовная..., 2008: 323); каз.: *Ерiншек тўске дейiн ұйықтайды, кешке дейiн есiнейдi* — Лодырь спит до обеда, зевает до вечера. Следует отметить, что подобные универсальные явления в паремическом фонде близкородственных народов свидетельствуют об определённой схожести в их мировоззрении. «Моделируя в своих пословицах определённые жизненные ситуации, носители разных культур приходят к сходным умозаключениям, в этом проявляются закономерности поэтического и логического мышления, являющиеся общими для всего человечества» (Созинова, 2010: 155). Представляя собой определённый фрагмент в фольклорной картине мира, в перспективе такие образные и смысловые параллели могут послужить надёжным материалом для сравнительно-сопоставительных исследований.

Параллельная паремическая интерпретация двух качественно противоположных образов ленивого, любящего спать человека и трудолюбивого, рано встающего человека даёт

возможность ярко подчеркнуть их характеристики: *Иртечи — ікі үлүстіг, Уйгучы — пір үлүстіг* — Кто рано встаёт, тот много успевает, кто поздно встаёт, тот ничего не успевает (букв. рано встающий имеет две доли, поздно встающий — одну). *Ирте турган хусхачах ниміске түзедір, ирте турбаан хусхачах харагын чухчын одырар* (Хс, 2014: 31) — Ранней пташке зёрнышки клевать, поздней пташке глазки протирать.

2. Образ трудолюбивого человека

Базовая когнитивная модель «трудолюбивый человек» в хакасском паремическом фонде формируется на основании логических смыслов номинаций, характеризующих ответственное отношение к труду и добросовестное выполнение своих обязанностей. Важной содержательной особенностью пословиц и поговорок о положительном отношении человека к труду является их оценочный аспект. Созидательная деятельность человека, исходящая от его внутреннего потенциала, во все времена считалась благом, что получает своё отражение в языковой картине мира, в частности, паремическом творчестве. Образ трудолюбивого человека репрезентируется обычно через призму культурных установок, которые чаще бывают универсальными. Неизменными репрезентантами портрета человека, любящего и способного трудиться, являются его деловые параметры, конкретизирующиеся, например, наименованиями частей тела человека:

харын «живот, нутро». Данный соматизм является многозначным: «живот, брюхо, желудок, брюшина». В пословицах и поговорках обычно реализуется значение «желудок», который в зависимости от отношения субъекта к труду может быть сыт или голоден: *Сымдахтың харны тох* — Трудолюбивый бывает сыт (букв.: у трудолюбивого желудок сыт). Аналогичная по смыслу пословица действует и в других тюркских языках, например, в тувинском языке: *Хол шимчээрге хырын тодар* — Руки работают и живот сыт; в казахском языке: *Кім еңбек етсе — сол тоқ* — Кто трудится, тот сыт (Қазақтың..., 2007: 50) и др. В хакасском языке также действует фразеологизм *артых харын* «тунеядец; букв. лишний желудок». На примере данной лексемы мы наблюдаем цепочечное развитие его семантической структуры: от значения «желудок» мотивируется переносное значение «корм; пища»: *«харын соонаң чөрерге* ходить в поисках еды; *харын на сагын чөрерге* думать только о еде» (ХРС, 2006: 817). С самых древнейших времён в сознании хакаса закрепилось понимание того, что труд — это, прежде всего, средство к существованию, поддержание жизнедеятельности. Трудолюбие человека гарантирует безбедную жизнь не только ему, но и его детям, в частности, он может прокормить не только себя, но и своих детей: *Сымдах кізінің палалары астабинча* — У трудолюбивого человека дети не голодают. Данная пословица имеет двойной смысл: моральный и нравственный. Кроме того, что труд есть поддержание жизни и источник определённого достатка, здесь также подчёркивается ответственность родителей за будущее своих потомков;

азах «нога; ноги» в представлении хакасов являются немаловажным инструментом в трудовой деятельности: человек постоянно должен находиться в движении и поиске, тем самым добывать еду для благополучного существования человека: *Сымдах азах тох поладыр* — Если ноги много ходят, будешь сыт (букв. трудолюбивые ноги бывают сыты). Иногда образная номинация *азах* «нога; ноги» может заменяться глагольным понятийным значением **хыймыхтан** — «шевелиться»: *Хыймыхтанган кізі хыр азар* (Хс, 2014: 20) — Кто движется, тот будет за горой.

Следует отметить, что лексемы *азах* «нога; ноги», *хол* «рука; руки», *харах* «глаз; глаза» при реализации редко принимают аффикс множественного числа **-тар**, поскольку в хакасском языке, как и в других тюркских и финно-угорских языках, «...не грамматикализуется обозначение парности (или двойственности) частей тела, возможно, из-за того, что в языко-

вом представлении тюрков нейтрализуется понятие целостности и раздельности парных частей тела» (Чертыхова, 2019: 142).

Также в хакасских паремиях упоминаются материальные блага, как, например, в русском языке: «Материальный достаток как результат трудовой деятельности оценивается положительно (*Где работно, там и густо; Кто не ленив пахать, тот будет богат*)» (Борщева, 2011: 7). Здесь значимым репрезентантом и символом материального достатка является лексема *чаг* «сало» (и производное от неё прилагательное *чаглыг* «жирный; с салом»). Фразеологизмы *ирні чаглыг* «букв. губа [его] жирная» и *ахсы чаглыг* «букв. рот [его] жирный» обозначают «живущий в достатке». *Азааң хыймыранза, ахсың чаглыг полар* (Хс, 2014: 21) — Если ноги будут бегать, во рту сало будет. Тем самым трудолюбивый человек представляется подвижным, энергичным, не любящим сидеть без дела. Жирные губы трудолюбивого человека могут контрастировать с немой (с перхотью) головой лентяя: *Ибектің ирні чаглыг, эрінчектің пазы хагданныг* (Хс, 2014: 31) — Лоснятся салом губы у радивого, покрыла перхоть голову ленивого. Ассоциативный мотив «лентяй — грязнуля» присутствует и в шорской паремии. Однако здесь речь идёт конкретно о ленивой женщине, которая не моет голову: *Чабал қаат, паш чунман, Питке найнапча* — Скверная (плохая) женщина сама голову не моет, а обвиняет во всём вошь (Духовная..., 2008: 323). А образ жирных губ получает одобрительную оценку богатства, добытого собственным трудом также в алтайских и шорских эквивалентах — паремиях: алт.: *Јалкунунг карды куру, / Иштенкейдин эрди үстү* — У ленивого живот пустой, / У работающего губы жирные (Ойноткинова, 2012: 230); шор.: *Аргас кижиниң эрни куруг, Аргастанман кижиниң эрни чаглыг* — У ленивого человека губы сухие (пустые), у трудолюбивого — губы в масле (Духовная..., 2008: 323). Пословица *Аргаас ползаң, ахсың хатар* — Будешь лениться, [твой] рот затвердеет предупреждает ленивого человека о грозящем голоде. Таким образом, противопоставляются образы жирных и сухих, твёрдых губ и ртов, как символов благополучия и бедности.

Смысловая взаимосвязь сала и сытой жизни заключается также в пословице: *Сосханың чаа көлбеде* — Сало свиньи в корыте. Мотив сала эксплицирует представление о том, что для того, чтоб хорошо жить, нужно усердно работать. Однако следующая пословица, на наш взгляд, имеет двоякое значение: *Чаглабаанда, чарабас* (Хс, 2014: 21) — Не подмажешь, не поедешь. Энантисемия содержания данной поговорки отмечена в двух взаимоисключающих признаках: труд и хитрость. Глагол **чагла-**, образованное от существительного *чаг* «сало», имеет значение: «1) мазать, смазывать жиром *что-л.*; *інек имчегін чаглырга* мазать жиром соски коровы (перед дойкой); 2) *перен.* подмазать (дать взятку); *† чаглабаанда, чарабас погов. соотв. русск. не подмажешь — не поедешь*» (ХРС, 2006: 917). Сочетание подобных противоположных идей в одной паремии для хакасского языка большая редкость и нейтрализация их специфики происходит в широком контексте.

Руки, как основной физический инструмент для работы, рассматриваются с утилитарной позиции. По нашим сведениям, руки ленивого человека упоминаются только в одной пословице: *Чадайганның холы пос* (Хс, 2014: 21) — У растяпы всё валится с рук. В тувинской фразеологии также рука лентяя «не дружит» с работой: «*хол куруг олуар* «не делать ничего, бездельничать; *букв.* сидеть с пустыми руками. *Ср. русск. битъ баклуши, сидеть сложа руки*» (Хертек, 1975: 173). Или же лентяй работает только кончиками пальцев, т. е. работу выполняет поверхностно и недобросовестно: «*салаа бажы-биле ажылдаар* работать с прохладцей; *букв.* работать кончиками пальцев» (Хертек, 1975: 140). Если в образе ленивого человека отмечается бесполезность рук, то трудолюбивый человек представляется как мастер, умеющий все делать своими руками: *Холның узы чонга туза* (Хс, 2014: 65) — Нет у народа ценнее даров, нежели руки его мастеров.

Однако для созидательного труда недостаточно использование рук, здесь необходимо применять и смекалку: *Сагынган сагыс, иткен хол* (Хс, 2014: 31) — Мысль рождает, руки делают. Следующая пословица получила развитие в двух вариантах: *Сибер холга син кирек*

чох, мишлiг пасха кӧрерге кирек чох (Хс, 2014: 24) — Руке искусной и мерка не нужна, умному и смотреть ни к чему. *Сибер холга син кирек чох, сизиктiг кiзее тiл кирек чох* (Хс, 2014: 26) — Руке искусной мерка ни к чему, сообразительному — язык ни к чему. В первой части этих пословиц констатируется факт сноровки мастера в образе его рук, во второй же части указывается на значимость его сообразительности и ума. Популярность образа рук отмечается не только в хакасских паремиях, но и в других языках, поскольку здесь просматривается связь «с реальным преобладанием ручного труда в традиционном хозяйстве, и с тем, что для русского сознания именно человек (а руки как его символ-синекодха) является непосредственным производителем всех материальных благ (и не только их): *С печи сыт не будешь; Не печь кормит, а руки (а нивка); Глаза страшатся (боятся), а руки делают; Дал бог руки, а верёвки сам вей!*» (Борщева 2011: 7). По сведениям Н. Р. Ойноткиновой, в алтайских паремиях содержатся также описания внешних данных рук: «У работающего широкие, большие руки — это руки мастера-ремесленника: алт. *Иштенкейдин колы жалбак, / Жалкунун жалмажы жалбак* — У работающего руки широкие, / У ленивого зад широкий; чалк. *Иштежил кижини колы ус, / Этпести токпа нъаан* — У работающего человека руки искусные, / У ленивого колотушка большая» (Ойноткина, 2012: 230).

В хакасской пословичной картине мира просматривается образная взаимосвязь таких соматизмов как *хол* «рука; руки» и *харах* «глаз; глаза», смысл которых соответствует русск. *глаза боятся да руки делают: Харахтар кӧрче, хол итче* (Хс, 2014: 31) — Глаза смотрят, руки делают. *Харах хорыхса даа, хол итчең* (Хс, 2014: 31) — Глаза боятся, руки делают. Смысловые и лексические эквиваленты данных пословиц встречаем и в шорском языке: *Қарақ қоруқча, кол қоруқпанча* — Глаза боятся (работы), руки — не боятся. Возможно, эти пословицы зародились в более позднее время под влиянием русского языка.

Наши предки определяли по особым признакам (приметам) на теле человека, трудолюбив он или ленив: *Чоон нiтке чоңнанчых* (Хс, 2014: 31) — Толстый затылок ленив. Также считалось: если на затылке имеется впадина, значит, этот человек ленивый: *Нiткезiнде оймахтыг кiзi чызыг полчаң* — Человек со впадиной на затылке бывает ленивым. Также у маленьких детей по физическим признакам могли предсказывать его отношение к труду в будущем: *Ирнi халын, туданныг полар* (Хс, 2014: 17) — Губы толстые, значит, будет трудолюбив. Соотношение здорового тела и труда прослеживается в поговорке: *Ниме итпезе, ит сооп парча* (Хс, 2014: 31) — Если ничего не делать, тело костенеет.

В базовую когнитивную модель «трудолюбивый человек» включается также такое проявление тяжёлого, физического труда, как пот, который проступает обычно на лбу (*хамах* «лоб»): *Хамааң тирлезе, харның тох полар, холың хыймыраза, кибиң нүдiн полар* (Хс, 2014: 29) — Пот на лбу солон, да живот полон, руки не спят, да штаны без заплат. *Тирлеенче тогынмазаң, тосханча азыранмассың* (Хс, 2014: 30) — Тех, кто работает до пота, накормит досыта работа. Связь тяжёлого физического труда и полного желудка прослеживается и в шорской пословице: *Тосқанче чии, Терлегенче иште* — Ешь досыта, работай до пота (Духовная..., 2008: 323).

Следует отметить, что в хакасском пословичном фонде нами не обнаружены паремии, где символом пропитания выступает *халас* «хлеб», как например, в русском языке: *Упорно трудиться — будет хлеб в закромах водиться; Не потрудиться, так и хлеба не добиться*. В русском народном сознании хлеб достаётся тяжёлым трудом, а хлеб на столе — это гарантия безбедной жизни. Тот, кто не работает, тот живёт за счёт других и даром ест свой хлеб. В казахских пословицах также наблюдается взаимосвязь понятий труда и хлеба: *Егiнi нанын жейдi, ерiнжеск арын жейдi* — Пахарь хлеб свой ест, лодырь совесть проест (Қазақтың ..., 2007: 53). *Еңбекiшiнiң наны тәттi, жалқаудың жаны тәттi* — У трудолюбивого вкусный хлеб лежит, лодырь шкурой своей дорожит (Қазақтың ..., 2007: 48). У хакасов же испокон веков хлеб не был основным продуктом ежедневного питания, поэтому, насколько нам известно, упоминание о нём не встречается в фольклорных текстах.

3. Образ ленивого человека

Базовая когнитивная модель «Образ ленивого человека» отражает разнообразные аспекты жизнедеятельности лентяя. Его портретные характеристики свидетельствуют о том, что он бесполезен в обществе, т. к. неспособен к труду и сознательно уклоняется от работы. Пейоративная оценка лентяя основывается на морально-этических нормах поведения человека в обществе. В оценочном портретировании ленивого человека отмечается его склонность ко сну: *Үйгүчы түзінде дее узупча* (Хс, 2014: 31) — Сонливый видит сон, что спит, как мёртвый, он. *Үйгүчыл кізі ибде дее настанминча, тогысха даа орайлатча* (Хс, 2014: 26) — Сонливый и по дому не управляется и на работу опаздывает. *Эрінчек кізі одыра узупча, чадып тогынча* (Хс, 2014: 31) — Ленивый спит, когда сидит, работает, когда лежит. Соответствующий логический вектор связи сна и безделья наблюдается в портретировании лентяя и у других народов: каз.: *Еріншек түске дейін ұйықтайды* — Лодырь до обеда почивает, а потом до вечера зевает (Қазақтың..., 2007: 50); русск.: *Сонливый да ленивый — два родных брата*.

В народном сознании пустая, бесцельная трата времени видится и в том, что лентяй если не спит, то лежит. Раздражительное отношение к безответственному, вялому человеку, проводящему дни в постели без всякой цели, проявляется в его предупреждении о нерадостном будущем: *Хыйын чадып, чыргал көрбессің* (Хс, 2014: 20) — Лёжа, блага не достигнешь. *Хыйын чатханның ізі пүтпес* (Хс, 2014: 20) — У лежебоки дело не идёт на лад. Бесперспективность и бессмысленность малоподвижного образа жизни и бездействия передаётся через образ камня: *Чатхан тасха торбас өс парчаң* (Хс, 2014: 63) — Лежащий камень в землю врос, и мхом от этого оброс. К данной пословице близка по содержанию калькированная с русского языка пословица: *Чатхан тас алтына суг ага чоғыл* (Хс, 2014: 30) — Под лежащий камень вода не бежит.

Занимаемое лентяем горизонтальное положение (спать, лежать) фиксируется и в других языках, например, в русском языке лексема *лентяй* синонимизируется с *лежебока*. Детализация образа лежачего человека отражается и в русских пословицах. Связь лени и лежания обнаруживается еще в Библии. На это указывает М. А. Ерёмина, ссылаясь на Е. И. Иванову в [Иванова 2002, 81], «... ср.: *Доколе ты, ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь ото сна твоего? Немного поспишь, немного, подремлешь, немного. Сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник* (Притч. 6.9–11)» (Ерёмина, 2014: 137). Далее автор утверждает, что «... если лентяй зачастую мыслится прикрепленным к своему излюбленному месту, то трудолюбивому человеку как бы изначально присуща устойчивость» (Ерёмина, 2014: 178).

О праздном времяпровождении лентяя говорит пословица: *Ирінчек кізее күннің позыраң* (Хс, 2014: 31) — Ленив проказник, всяк день ему праздник. Пословица с эквивалентным содержанием и структурой бытует и в казахском языке: *Жалқауға күнде мейрам* — Лентяю, что ни день, праздник (Қазақтың ..., 2007: 51).

В хакасской культуре лень однозначно порицается и получает отрицательную коннотацию. Однако у некоторых народов встречается и двоякое отношение к этому пороку, например, Цю Сюеин, в результате лингвокультурологического анализа русских паремий с компонентом «лень» на фоне их аналогов в китайском языке сделал интересные выводы: «В русском языке при общем отрицательном отношении к лени допускается снисходительное (*На кого лень не бывает*) и насмешливое (*У нашей хозяйюшки всё в работе: и собаки посуду моют*) отношение к этому явлению; в китайском языке это явление оценивается отрицательно категорично и бескомпромиссно (*Труд может превратить пустыню Гоби в оазис, лень превращает оазис в руины*)» (Цю Сюеин, 2019: 346).

В пословичном описании ленивого человека акцентируются такие черты, как бестолковость, безответственность, безликость в сравнении с непригодными в хозяйстве предметами: *Изернің хазы чох, өдігінің табаны чох* (Хс, 2014: 56) — Седло без луки, обувь без подушки.

Төгее тыынмас палты, төске сыхпас ат (Хс, 2014: 31) — В полено не вонзившийся топор, схож с клячей, что не может взять бугор. *Арыг иттең үс сыхпаан, аргааснаң тогыс пүтпеен* (Хс, 2014: 31) — Из постного мяса жира не будет, с ленивым работа не пойдёт. Понятие бестолковости лентяя может наполняться и образным сравнением с мышкой, тем самым подчёркивается никчёмность пользы от его существования: *Күлүгі күскени осхас* — Ограниченный, лентяй (букв. [его] трудолюбие как у мышки). Устойчивое нежелание ленивого человека что-либо делать передаёт пословица: *Кирилін, кип киспеен, сүүлініп, суғ суспаан* (Хс, 2014: 31) — Потягиваясь, одежду не натянул, вытянувшись, воды не зачерпнул. Следующая пословица утверждает, что ленивый человек неисправим: *Чылысхы чылан игірін пілінмес, чылхазы чох кізі хомайын пілінмес* (Хс, 2014: 55) — Змея не замечает своей кривизны, нерасторопный — своей бестолковости.

Поскольку традиционно считается, что ленивый человек — нахлебник семьи и общества (*артых харын* «тунеядец; букв. лишний желудок»), обращается особое внимание на то, что и как он ест: *Хырых ахчаа ис аныбинча, хазан түбін хаарта чалганча* — Даже 40 копеек зарабатывает, а съедает всё, что есть в котле. *Тогынарга аргаас, таңах идіне өстіг* — Работать не любит, а курятину есть любит. *Холнаң тамах чіпче, харнынаң тогынча* (Хс, 2014: 31) — Руками ест, как ртом, трудолюбивый животом. Считается, что лентяй даром ест пищу и живёт за счёт других. Процесс осуществления лентяем незаслуженного принятия пищи получает предосудительную оценку и в других культурах, например, каз.: *Сау адамның тамағын ішіп, ауру адамның ісін істейді* — Как больной работает, как здоровый лопаёт (Қазақтың ..., 2007: 51); русск. *Лень лени и за ложку взяться, а не лень лени обедать*.

Непримиримое отношение к лентяю вызывает интерпретацию его поведенческой плоскости: ему свойственно много говорить, оправдываться в несделанном, давать невыполнимые, пустые обещания и т. д. *Хуруг тіл, хоңалтых өдік* (Хс, 2014: 31) — Пустобрех трудился языком, и поныне ходит босиком. Склонность лентяя много говорить отмечается в паремиях и других народов, например: каз.: *Тілде бар да, істе жоқ* — На словах все может, а как делать — ничего не может или же *Аузымен орақ орып, кетпен шауып* — Всё может на словах, и ничего — на деле; як.: *Сүрэбэ суох субэлээх* — Лентяй смекалист на отговорки и др.

Нравоучительный смысл заключается в хакасской пословице: *Тілге күлүк полба, холнаң ит* (Хс, 2014: 38) — Не будь быстр на язык, делай руками.

Другая поведенческая черта, приписываемая ленивому человеку — это хитрость. Чтобы уклоняться от работы и завуалировать своё нежелание работать, лентяй вынужден всё время хитрить и врать. Однако народная мудрость утверждает, что хитрость не идёт ему на пользу: *Сүмеленіп, тогысты айныт полбассың* (Хс, 2014: 17) — Хитрить на работе — не на пользу делу. *Сүмненчиктің ізі пүтпес* (Хс, 2014: 18) — У копуши дело не делается.

Особое внимание обращается на внешние данные ленивого человека в соответствии с его деловыми качествами: *Сылагайы пар, чылхазы чоғыл* (Хс, 2014: 31) — Есть статья, но проворности нет. Данный факт объясняется тем, что ленивый человек может обладать хорошими телосложением, красотой, стройностью, силой, но не обладать определёнными знаниями, умениями и навыками к труду, что становится предметом укора в его адрес.

Как известно, на протяжении тысячелетий лошадь была верным другом и помощником тюрка — кочевника, как в повседневной жизни, так и в военных сражениях и походах. В материалах тюркского фольклорного наследия содержатся сведения об очеловечении лошадей, они, как и люди, имеют свой характер, обладают мыслительными и речевыми способностями. Однако «несмотря на то, что в национальном сознании хакасов закрепился культ лошади, как о верном друге и помощнике человека, фольклорные жанры показывают и отрицательные характеристики этих животных» (Чертыкова, 2019: 80). Соответственно, в том числе для лошади свойственна и такая черта, как лень: *Чазан ат чортпас таа, турбас таа* (Хс, 2014: 21) — Ленивая лошадь и рысью не бежит и не устаёт. *Чазан атнаң парганча, хара чазаг чөрербін* (Хс, 2014: 21) — Чем на ленивой лошади ехать, лучше пешком ходить. Трудолюбивая лошадь

представляется быстрой, неустойчивой, выносливой: *Айдас атха чол чагын* (Хс, 2014: 26) — Выносливой лошади дорога близка. Часто проводится сравнительная параллель между человеком и лошастью: *Чахсы атты чөрізінең пілчелер, чахсы кізіні тогызынаң көрчелер* (Хс, 2014: 26) — Оценивали люди в добрые времена по работе мастера, по шагу скакуна. Отметим, что в хакасской паремиологии, несмотря на обилие табуированных и фразеологических единиц с привлечением наименований животных и зверей (Каксин, 2016), нами не обнаружены паремии, в которых проводится образное сравнение ленивого человека с другими животными, кроме лошади. В паремиологическом фонде других народов имеются целые пласты номинаций, в которых те или иные особенности животных переносятся на лентяя: русск.: *Ленивый человек как бык: не даёт ни молот, ни шерсти*; монг.: *Нохой алжуу бол баас олж идэхгүй цэцэн*. соотв. русск. Без труда не вынешь рыбку из пруда (букв.: если собака ленива, то она ничего не найдёт поест, даже кала) и др. Считаем, что в данном случае уместно высказывание профессора М. И. Черемисиной об особенностях коллективного разума, воплощённого в языковые оболочки: «... алтайским языкам ... чужды многие стороны той образности, которая присуща русскому и другим европейским. Например, здесь не принята метафоризация образов животных: людей не называют ослами, медведями, коровами, божьими коровками, змеями и т. д., хотя иногда и сравнивают с животными» (Черемисина, 1992: 76).

4. Поучительные установки народной мудрости

В паремиях, как в языковом воплощении глубокой народной мудрости и тысячелетнего жизненного опыта, могут содержаться и советы, предостережения и предупреждения, обращённые предположительно к молодому поколению. Однако и ленивый человек в хакасской паремии не воспринимается совсем как безнадёжный и пропащий человек, поэтому пословицы о негативных последствиях лени, имеющие воспитательный характер, могут быть адресованы и к нему: *Амды эрінмезең, соонда хомзынмасың* — Если сейчас не будешь лениться, потом не будешь сожалеть. Каждый должен быть уверен в том, что умение хорошо трудиться всегда ведёт к хорошим результатам: *Малны хайди азыразаң, сүт ідөк аларзың* (Хс, 2014: 29) — Как будешь скот кормить, так и молоко получишь. *Тогын полчатсаң, тогыс чох пол полбассың* (Хс, 2014: 56) — Если умеешь работать, не останешься без работы (Хс, 2014: 31). *Чылхалан пілзең, чахсы чуртирзың* (Хс, 2014: 25) — Если будешь деловым, будешь жить хорошо. Ассоциативный мотив «будешь хорошо работать — будешь хорошо жить» обычно соотносится с будущим временем. Субъект должен предпринимать соответствующие действия в настоящем времени, чтобы в будущем исключить переживание такого неприятного чувства, как сожаление. Приучать девочку с раннего детства к хозяйственной деятельности, тем самым готовить к семейной жизни — один из универсальных аспектов воспитательной системы в традиционной семье, в том числе и в хакасской. Исходя из данного фактора, могла возникнуть пословица, предупреждающая о серьёзном отношении к труду: *Ирге парары оой полчаң, иргек хазиры сидік полчаң* (Хс, 2014: 31) — Трудней большой палец пришить к рукавице, чем выскочить замуж красивой девушке. В хакасском обществе всегда ценились родственные отношения; люди одного рода (сёока) считались большой семьёй и, соответственно, взаимопомощь и коллективный труд были одной из форм их сосуществования. И это явление отражается в пословицах: общими силами можно справиться с любыми трудностями и достичь хороших результатов: *Өменең төге дее көдірерге ниик* (Хс, 2014: 11) — Общими силами и бревно поднять легко. В данной пословице лексема *төге* «бревно» указывает на тяжесть физического труда.

Народная мудрость утверждает, что применение всяческих стараний и усилий в сторону улучшения своей жизни однозначно оправдывается и ведёт к благополучию и достатку: *Харассаң — полар, хараспазаң — полбас* (Хс, 2014: 31) — Если стараться, что-нибудь получится, если не стараться — ничего не получится. *Харассаң, харбахтап урылар* (Хс,

2014: 30) — Старание — горстью польётся. *Чортса, чортса, чол полар, чобадып тапса, ис полар* (Хс, 2014: 31) — Если долго бежать дорога получится. Если долго мучиться, наживёшь богатство. *Полбинчам тiп чоохтаба, хынминчам тiп чоохта* (Хс, 2014: 20) — Не говори, что не можешь, а говори, что не хочешь. Помимо старания и усердия концептуализация трудолюбия ориентируется также на такие черты человеческого характера, как решительность и смелость: *Сидиктең тиснес, сибердең халбас* (Хс, 2014: 30) — Не бояться трудностей, идти вперёд. Однако при этом нужно уметь отличать важнейшие жизненные установки от второстепенных: *Сыдамахха кирек кўсті тарынысха ўретпечең* — Силу всецело трать не на гнев, а на дело (букв. силу трудолюбия не трать на обиды и на гнев). Житейская мудрость также заключается в следующей пословице, раскрывающей один из аспектов незавидной судьбы безотцовщины, однако трудное детство и нерадостные условия жизни диктуют стремление к лучшей доле через трудолюбие: *Сурас кўлўк полчаң* (Хс, 2014: 29) — Внебрачный ребёнок бывает трудолюбивым.

Заключение

Концепт «трудолюбие / лень» является ярким и значимым фрагментом, воплощённым в смысловые оболочки, в пословичной картине мира любого народа. В основе данного концепта лежит отношение к труду, как одно из составляющих общественных отношений и базовых ценностей общества. Исходя из данного понятия, формируются традиционные субъективно-оценочные структуры положительного и отрицательного отношения к труду и, соответственно, пословичные образы трудолюбивого / ленивого человека. Эти два этно- и лингвокультурных блока в паремическом творчестве хакасов имплицитно портреты трудолюбивого человека и лентяя. В ходе анализа хакасских паремий по данной тематике мы выделяем две базовые когнитивные модели:

а) «Образ трудолюбивого человека». Основными различительными критериями являются их отношение к труду в свете традиционно-оценочной шкалы. Выявлено, что трудолюбивый человек в хакасском языковом сознании, прежде всего, обеспечивает питанием себя и свою семью. Благодаря своим деловым качествам он всегда сыт (*харны тох* «желудок сыт»). Однако в представлении хакасов работа — это, в первую очередь, источник поддержания жизни, реже — материального богатства. В пословичном портретировании трудолюбивого человека обычно участвуют наименования частей тела: *харын* «живот; желудок», *азах* «нога; ноги», *хол* «рука; руки», *харах* «глаз; глаза». Значимым репрезентантом и символом материального достатка является лексема *чаг* «сало» (и производное от неё прилагательное *чаглыг* «жирный; с салом»). В паремиях трудолюбивый человек представляется как надёжный, добросовестный, усердный, основательный работник;

б) «Образ ленивого человека». Данный образ отмечен такими мотивационными признаками, как бестолковость, склонность ко сну, малоподвижный образ жизни, пустая и бесцельная трата времени. Однако при этом лентяй много говорит, хитрит и обманывает. И даром ест пищу, и живёт за счёт других (*артых харын* «лишний желудок»). Таким образом, в пословичной картине мира репрезентируется однозначная позиция в отношении к ленивому человеку: поскольку у него не сформированы трудовые навыки, и он не способен обеспечить своё существование, общество его отторгает. Между тем, лентяй в народном сознании не воспринимается совсем как безнадёжный и пропащий человек, о чём свидетельствуют пословицы, предупреждающие о негативных последствиях лени и имеющие воспитательный характер. При этом отношение хакасов к проявлению лени суровое и бескомпромиссное и нами не зафиксировано ни одной паремией, оправдывающей данный человеческий порок, как, например, в русском паремическом творчестве, где семантика лени может быть размыта. Здесь лень может рассматриваться и как «... стихия, захватывающая человека извне, побеждающая его. Ср. *Лень-матушка одолела; Лень раньше нас родилась*» (Левонтина, 1999, с. 106).

В связи с тем, что концептуальный слой «трудолюбивый / ленивый человек» относится к основным полярным структурам человеческого характера, в хакасском паремическом творчестве отдельную категорию составляют паремии, раскрывающие контрастивные оценочные характеристики двух типов людей — трудолюбивого и ленивого. На наш взгляд, такой способ подачи паремической мысли способствует наиболее эффективному его восприятию. Поскольку пословицы и поговорки в своём содержании имплицитно поучительную и предупреждающую установку, то слушающий однозначно избирает для себя положительную концепцию информации, тем самым примеряет для себя роль трудолюбивого человека, а «судьбу» ленивого человека сознательно (или подсознательно) отторгает.

Следует также отметить важную особенность хакасских паремий о трудолюбивом / ленивом человеке: в их содержании не конкретизируются такие смысловые модификации, как пол и возраст трудолюбивого / ленивого человека, а также не раскрывается сфера его трудовой деятельности.

Список условных сокращений:

алт. — алтайский; букв. — буквально; каз. — казахский; монг. — монгольский; русск. — русский; перен. — переносное; тув. — тувинский; хак. — хакасский; чалк. — чалканский; шор. — шорский; як. — якутский.

Литература:

- Ахметшина А. Р.** Семантика татарских пословиц (в сравнении с русскими и французскими пословицами): автореф. дисс. ... канд. филол. н., Казань. 2000. 21 с.
- Ачитаева Л. К.** К истории собирания, публикации и исследования хакасских пословиц и поговорок (конец 70-х годов XIX века — первая половина XX века) // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 1999. Вып. 3. С. 90–95.
- Байрамова Л. К.** Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии // Фразеология и когнитивистика: в 2-х т. / под ред. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: БелГУ, 2008. Т. 1. Идиоматика и познание. С. 298–302.
- Борщева О. В.** Паремииология русского языка в традиционной и современной картинах мира (на материале пословиц о труде) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, Вып. 4. С. 6–10.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1983. 269 с.
- Ерёмина М. А.** Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции: Монография. Нижневартонск: Изд-во Нижневартонского гос. университета, 2014. 204 с.
- Ойроткинова Н. Р.** Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография / Отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск, 2012. 354 с.
- Каксин А. Д.** О табу и подставных названиях в хантыйском и хакасском языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2016. Вып. 1 (11). С. 45–52.
- Латыпова Р. А.** Нормы речевого поведения в зеркале английской и башкирской паремииологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 17 с.
- Левонтина И. Б.** Ното ригер // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 105–114.
- Созинова Э. М.** Общее и специфическое в паремиях — эквивалентах (на материале башкирского, русского и английского языков). Уфа: Гилем. 2010. 204 с.
- Цю Сюеин.** Лень в русской паремииологической картине мира (на фоне китайского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 341–347.
- Чертыкова М. Д.** Хакасская лексема харах «глаз; глаза» как опосредующее звено между телесной и духовной природой человека // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2019, 5(4). С. 140–151.

Чертыкова М. Д. Пословичная концептуализация общетюркской зоолексемы *ат* «лошадь» (на материале хакасского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (38). Новосибирск. С. 78–84.

Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1992. 92 с.

Чугунекова А. Н. Пословицы, поговорки и фразеологические единицы с пространственным значением в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 207–210.

Список лексикографических источников:

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 тыс. слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

Словарь синонимов хакасского языка / Хакас тілінің синонимнер сөстiгi. Авторы Кызласова И. Л., Чертыкова М. Д. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». 2014. 228 с.

Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь: около 1500 фразеологизмов. Под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1975. 204 с.

ХРС — Хакасско-русский словарь — Хакас-орыс сөстiгi: около 22 тыс. слов. Авторы: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Список иллюстративных источников:

Духовная... — Духовная Шория. Шорский фольклор в записях из архива профессора А. И. Чудоякова. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. 352 с.

Қазақтың... — Қазақтың мақал-мәтелдері — Казахские пословицы и поговорки. Алматы: «Көшпенділер» баспасы. 2007. 240 с.

Хс — Хыйға сөс. Сиспектер. Сөспектер паза таптырғастар. Мудрое слово. Хакасские пословицы, поговорки и загадки. Абакан. 2014. 83 с.

Чертыкова Мария Дмитриевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

Пр. Ленина, д. 94, г. Абакан, Республика Хакасия, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 23 февраля 2020 г.

M. D. Chertykova

THE IMAGE OF A HARD WORKING / LAZY MAN IN THE KHAKAS PROFILE WORLD VIEW

The article is devoted to the linguoculturological examination of Khakass proverbs and sayings in order to identify and describe the image of a hardworking / lazy person in the Khakass proverbial picture of the world. The material for analysis was about one hundred units of paremias with the corresponding semantics, collected by the author, mainly from the collection “Хыйға сөс. The Wise Word” (2014), also for the comparison there are the paremias of other nations. It is revealed that a hardworking person in the Khakass language consciousness is a reliable, conscientious, diligent, thorough worker. Thanks to his hard work, he provides food for himself and his family. In the paremias describing labor as a source of wealth, a unit of *чаз* “salo” is usually present. The image of a lazy person is marked by evaluations signs such as stupidity, a tendency to sleep, a sedentary lifestyle, an empty, aimless waste of time, living and eating at someone else's expense. However, in the popular

consciousness it is not perceived at all as a hopeless and lost person, as proverbs display, warning about the negative consequences of laziness, and have an educational character. Moreover, the Khakass attitude to the manifestation of laziness is severe and uncompromising, and we have not recorded a single paremia justifying this human vice. Paremias constitute a separate layer, revealing the contrasting evaluative characteristics of two types of people — hardworking and lazy, which allows listeners to clearly perceive the implicit instructive codes of folk wisdom. We believe that the conceptual space of a hardworking / lazy person in the Khakass language has good cognitive and linguocultural potential for future research.

Keywords: *image of a hardworking / lazy person, proverbs and sayings, folk wisdom, concept, content, Khakass language.*

References:

- Ahmetshina A. R.** Semantika tatarskih poslovic (v sravnenii s russkimi i francuzskimi poslovicami): avtoref. diss. ... kand. filol. n., Kazan'. 2000. 21 s.
- Achitaeva L. K.** K istorii sobiraniya, publikacii i issledovaniya hakasskih poslovic i pogovorok (konec 70-h godov XIX veka — pervaya polovina XX veka) // Ezhegodnik Instituta sayano-altajskoj tyurkologii HGU im. N. F. Katanova. Abakan, 1999. Vyp. 3. S. 90–95.
- Bajramova L. K.** Interpretaciya frazeologizmov v slovaryah v svete kognitivistiki i aksiologii // Frazeologiya i kognitivistika: v 2-h t. / pod red. N. F. Alefirenko. Belgorod: BelGU, 2008. T. 1. Idiomatika i poznanie. S. 298–302.
- Borshcheva O. V.** Paremiologiya russkogo yazyka v tradicionnoj i sovremennoj kartinah mira (na materiale poslovic o trude) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2011. T. 11, Vyp. 4. S. 6–10.
- Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G.** Yazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Russkij yazyk, 1983. 269 s.
- Eryomina M. A.** Len' i trudolyubie v zerkale russkoj yazykovoj tradicii: Monografiya. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevartovskogo gos. universiteta, 2014. 204 s.
- Ojnotkinova N. R.** Altajskie poslovicy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov: monografiya / Otv. red. O. N. Laguta. Novosibirsk, 2012. 354 s.
- Kaksin A. D.** O tabu i osnovnyh nazvaniyah v hantyjskom i hakasskom yazykah // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2016. Vyp. 1 (11). S. 45–52.
- Latypova R. A.** Normy rechevogo povedeniya v zerkale anglijskoj i bashkirskoj paremiologii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2003. 17 s.
- Levontina I. B.** Homo piger // Logicheskij analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke. M., 1999. S. 105–114.
- Sozinova E. M.** Obshchee i specificheskoe v paremiyah — ekvivalentah (na materiale bashkirskogo, russkogo i anglijskogo yazykov). Ufa: Gilem. 2010. 204 s.
- Cyu Syuein.** Len' v russkoj paremiologicheskoy kartinе mira (na fone kitajskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2019. Tom 12. Vypusk 6. C. 341–347.
- Chertykova M. D.** Hakasskaya leksema *harah* «glaz; glaza» kak oposreduyushchee zveno mezhdu telesnoj i duhovnoj prirodoj cheloveka // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika, 2019, 5(4). S. 140–151.
- Chertykova M. D.** Poslovichnaya konceptualizaciya obshchetyrskoj zooleksemy at «loshad'» (na materiale hakasskogo yazyka) // Yazyki i fol'klor korenyh narodov Sibiri. 2019. № 2 (38). Novosibirsk. S. 78–84.
- Cheremisina M. I.** Yazyki korenyh narodov Sibiri: Uchebnoe posobie / Novosibirskij gosudarstvennyj universitet. Novosibirsk, 1992. 92 s.
- Chugunekova A. N.** Poslovicy, pogovorki i frazeologicheskie edinicy s prostranstvennym znacheniem v hakasskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 8 (50): v 3-h ch. CH. I. C. 207–210.

Chertykova Maria Dmitrievna, doctor of science (philology), leading research fellow.

Institute of Humanitarian Researches and Sayan-Altai Turkology of the Katanov Khakass State University.

94 Lenina ave., Abakan, Russia, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru